

РУССКОЕ МУСУЛЬМАНСТВО

МЫСЛИ, ЗАМѢТКИ и НАБЛЮДЕНИЯ

МУСУЛЬМАНИНА.

(извлеч. изъ №№ 43, 44, 45, 46 и 47 «Тавриды» 1881 г.
съ дополненіями).

2579

СИМФЕРОПОЛЬ.
Типографія Спиро
1881.

И. Гаспралы азына
кырымтатар
Джумхурмат китапханеси

Представляя на судъ публики наши замѣтки и мысли по вопросу о сознательномъ и близкомъ сближеніи русскихъ мусульманъ съ ихъ русскими соотечественниками, мы считаемъ необходимымъ оговориться, что рѣшительно не имѣемъ претензій на безошибочность мыслей и наблюдений. Цѣль настоящихъ замѣтокъ—вызвать обсужденіе и изслѣдованіе вопроса о будущности русскихъ мусульманъ въ интересахъ нашего отечества и цивилизациі. Всякое возраженіе, поясненія и факты по интересующему насъ вопросу мы готовы выслушать теперь и обсудить при дальнѣйшей обработкѣ предмета сихъ замѣтокъ. Поэтому мы будемъ очень рады и благодарны за всякое мнѣніе, которое услышимъ отъ читателя, обращенное непосредственно къ намъ или путемъ печатного обсужденія.

Исмаилъ Бей Гаспринский.

Бахчисарай

1 июня 1881 года.

IV отдѣлъ

2579

РУССКОЕ МУСУЛЬМАНСТВО.

МЫСЛИ, ЗАМѢТКИ И НАБЛЮДЕНИЯ.

I.

500 лѣтъ назадъ на Куликовомъ полѣ безповоротно былъ рѣшенъ судьбою и исторіей вопросъ о подчиненности сѣвернаго и восточнаго мусульманства, а въ частности тюрко-татарскаго племени, племени русскому. Послѣ вѣковыхъ испытаній и борьбы, возмужавшій и окрѣпшій русскій духъ сломилъ наконецъ грозную, своеобразную власть татаръ, и съ того момента шагъ за шагомъ русская сила и власть надвигаются въ нѣдра Татаріи, и разрозненная вѣтви тюрко-татарскаго племени, въ свое время единаго и могущественнаго, постепенно переходятъ подъ власть Россіи и дѣлаются ея нераздѣльной, составной частью. Такъ одно за другимъ, въ моменты исторической необходимости, вошли въ составъ ростущей Руси—царства Рязанское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское, далѣе ханства Закавказья и въ послѣднее время нѣкоторыя ханства Средней Азіи, гдѣ по нашему мнѣнію Россія еще не достигла своихъ историческихъ, естественныхъ границъ. Мы думаемъ, что рано или поздно границы Руси заключать въ себѣ всѣ тюрко-татарскія племена и въ силу вещей, не смотря на временные остановки, должны дойти туда, гдѣ кончается населенность тюрко-татаръ въ Азіи. Граница, черта раздѣляющая Туркменію и Среднюю Азію

на двѣ части—русскую и нерусскую—можетъ быть политически необходима въ настоящее время, по она неестественна, пока не обхватить всѣ татарскіе племена Азіи.... Эти племена испоконъ вѣковъ живутъ въ извѣстномъ, рѣзко очерченномъ районѣ Азіи и, заключенные въ естественные, географически правильныя границы, могли защищать свои поселенія, земли и царства отъ вторженій и завоеваній чуждыхъ сосѣдей,—персовъ, авганцевъ и монголо-китайцевъ. Исторія Средней Азіи и тюрко-татарь—рядъ нескончаемой борьбы элемента тюрко-татарского съ окружающими, начиная со сказочныхъ богатырей Рустема и Зораба до Якубъ Бека Кашгарскаго включитель-но. При даровитыхъ, воинственныхъ ханахъ тюрко-татары сплачивались и переходили свои географическія, естественные границы, громя сосѣдей, чтобы вскорѣ оять успокоится, какъ расходившееся море, и войти въ свои историческія рамки въ формѣ сиѣговыхъ горъ, непроходимыхъ плоскогорій и пустынь. Вотъ почему мыѣ кажется, что пока русскія границы, какъ наслѣдіе татарь, не дойдутъ до историческихъ, естественныхъ предѣловъ ихъ поселеній, они не могутъ быть прочны. Такимъ образомъ мыѣ кажется, что въ будущемъ, быть можетъ, недалекомъ, Россіи суждено будетъ сдѣлаться однимъ изъ значительныхъ мусульманскихъ государствъ, что, ядумаю, нисколько не умалитъ ея значенія, какъ великой христіанской державы.

Впрочемъ, не предрѣшая вовсе вопроса о дальнѣшемъ направленіи и расширеніи азіатскихъ границъ, мы желаемъ лишь указать теперь на тотъ фактъ, что уже нынѣ въ рукахъ Россіи находится до десяти миллионовъ тюрко-татарского племени, исповѣдующихъ одну и ту-же религию, говорящихъ нарѣчіями одного и того-же языка и

имѣющихъ одинъ и тотъ-же соціально-общественный бытъ, однѣ и тѣ-же традиціи.

Племя это разбросано на громадныхъ пространствахъ Европейской и Азіатской Россіи и во многихъ мѣстахъ смѣшано съ русскимъ или инымъ населеніемъ. Однако, имѣя особыя и прочныя религіозно-бытовыя условія жизни, оно представляется намъ довольно крупной единицей среди народностей нашего обширного отечества, и судьбы ея заслуживають, мнѣ кажется, серьезнаго вниманія общества и государства.

Присматриваясь къ отношеніямъ русской власти къ покореннымъ и покоряемымъ татарскимъ племенамъ, мы замѣчаемъ, что она мало знакома съ почвой, на коей приходится ей дѣйствовать, мало знаетъ татаръ, ихъ внутренний бытъ и строй. Русское господство надъ татарами до сихъ поръ, насколько мнѣ известно, выразилось только въ слѣдующемъ: *я владлю, вы платите и живите какъ хотите.* Это очень просто, но крайне безсодержательно... Въ самомъ дѣлѣ, какого рода отношенія должны существовать между татарами и русскими? Чѣмъ должны быть татары, русские мусульмане, въ отношеніи къ русскимъ и обратно русские въ отношеніи къ нимъ? Къ какой разумной хорошей цѣли стремится русская власть въ отношеніи къ инородцамъ-мусульманамъ? Что Русские должны дѣлать для нихъ, какъ должны дѣлать и чего требовать и какъ требовать отъ нихъ? Должны ли русские и русские мусульмане жить рядомъ на одной землѣ, подъ однимъ закономъ, какъ случайные спутники, сосѣди, или между ними слѣдуетъ развить болѣе близкія родственныя отношенія, какъ между дѣтьми великой семьи народовъ нашего обширного великаго отечества?....

Гдѣ та илея, которая воодушевляетъ и служить источникомъ

никомъ отношеній и регуляторомъ дѣйствій русской власти въ отношеніи русскаго мусульманства?

Въ послѣдніе годы часто приходится читать и слышать о великой цивилизаторской миссіи Россіи на Востокѣ. Отлично, прекрасно. Но чѣмъ должна выражаться эта миссія? Неужели замѣна *кадиевъ*—уѣздными начальниками, *наибовъ*—приставами, *бекствъ*—областями и губерніями, *десятины*—подушной и другими податями, *шелковыхъ халатовъ и бешметовъ*—дворянскимъ воротникомъ, исчерпываетъ все содержаніе этой миссіи и больше ничего не остается дѣлать?

Быть можетъ наше общественное положеніе, ограниченное воспитаніе и многое другое не дали намъ возможности стать ближе къ источникамъ внутренней политики нашего отечества; но ~~но~~ доступнымъ намъ наблюденіямъ на обширномъ по времени и пространству полѣ дѣятельности русской власти, мы усматриваемъ лишь одно хорошее дѣяніе, достойное великой миссіи:—это уничтоженіе рабства тамъ, куда проникала эта власть. И странное дѣло, рабство уничтожалось русскими среди азіатовъ въ то время, когда оно процвѣтало еще въ нѣдрахъ коренной Руси. Затѣмъ всѣ остальные проявленія русской власти среди мусульманъ не идутъ далѣе требованій государственного фиска и огражденія общественной безопасности и порядка, выражавшихся во множествѣ законовъ, распоряженій, льготъ, сбонлившихся въ различныхъ судахъ и правленияхъ и доходившихъ до мусульманъ только въ формѣ звуковъ колокольчика становаго или уѣздного начальника, да еще во множествѣ споровъ, межеваній, непонятныхъ массъ отчужденій, въ открытіи и закрытіи школъ, словомъ во всемъ такомъ, что смыяло одно другое съ быстротой крыльевъ вѣтряной мельницы, и въ концѣ многолѣтней дѣя-

тельности и затратъ какой же рузультатъ? Общественная и умственная изолированность мусульманъ, глубочайшее невѣжество, мертвая неподвижность во всѣхъ сферахъ ихъ дѣятельности, постепенное обѣднѣнія населенія и края и, по окраинамъ, гибельная эмиграція!

Я глубоко убѣжденъ, что наши русскіе соотечественники не только не желали, но даже не ожидали, не предвидѣли такихъ печальныхъ результатовъ; что они были убѣждены искренно, что дѣло цивилизациіи азіатовъ обстоитъ благополучно. Но однако отъ этого наличный фактъ неизмѣняетъ своего грустнаго характера.

Вопросъ объ инородцахъ, объ мусульманствѣ въ Россіи, сколько мнѣ известно, вовсе еще не обработанъ. Даже литература почти не представляетъ матеріаловъ къ тому, а между тѣмъ, мнѣ кажется, стоило бы подумать о немъ. Провидѣніе нерадало и передаетъ подъ власть и покровительство Россіи массу мусульманъ съ богатѣйшими землями, дѣлаетъ Россію естественной посредницей между Европой и Азіей, наукой и невѣжествомъ, движениемъ и застоемъ....

Отсутствие строго намѣченной, послѣдовательной политики, воодушевленной высокой идеей распространенія цивилизациіи среди русского мусульманства чувствуется до сихъ поръ и принесло не мало горькихъ плодовъ какъ для насъ, русскихъ мусульманъ, такъ и для нашего отечества. Такъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ можно было, мы бросали свои пепелища, святыни, родину и уходили Богъ вѣсть куда (крымцы, бессарабцы, кавказцы), а гдѣ уйти было некуда и нельзя, мы уходили въ свой тѣсный мірокъ, отдаваясь ему всецѣло и не желая знать и вѣдать ничего, что не касалось близко нашего мірка и его узкихъ инте-

Русское мусульманство не сознаетъ, не чувствуетъ интересовъ русского отечества; ему почти не вѣдомы его горе и радости, ему непонятны русскія общегосударственные стремленія, идеи. Незнаніе русской рѣчи изолируетъ его отъ русской мысли и литературы, не говоря уже о полнѣйшей изолированности въ отношеніи общечеловѣческой культуры. Русское мусульманство прозябаетъ въ тѣсной, душной сферѣ своихъ старыхъ понятій и предразсудковъ, какъ бы оторванное отъ всего остального человѣчества, и не имѣетъ иной заботы, кромѣ заботы о ежедневномъ кускѣ хлѣба, иного идеала, кромѣ указаній желудка.....

Не странно ли, что мусульманскія общества многихъ азіатскихъ центровъ, какъ Константинополь, Смирна, Каиръ, Дамаскъ, Тунисъ и многіе другіе — настолько опередили во всѣхъ отношеніяхъ общества русскихъ мусульманъ, что среди тѣхъ мусульманъ вы чувствуете Европу, оживленіе умственной и нравственной жизни, слышите новыя, далеко не азіатскія идеи и стремленія; между тѣмъ какъ современное состояніе какихъ нибудь бахчисарайцевъ, казанцевъ, касимовцевъ и прочихъ представляеть намъ материальную и умственную картину временъ Иоанна Грознаго, Ермака и Чобанъ-Гирея, съ затхлой атмосферой неподвижности и застоя? Знаменательное и единственное исключение въ этомъ отношеніи составляетъ немногочисленныя общины литовскихъ мусульманъ, разбросанныхъ по Литвѣ, которые сохранивъ и строго охраняя свои мусульманскія традиціи, отлично усвоили европейскую культуру и образъ жизни и умственно стоять во главѣ русского мусульманства.....

Не грустно ли въ самомъ дѣлѣ, что русское господство не ведетъ мусульманъ къ прогрессу и цивилизаціи; безсильно вдохнуть новую жизнь, идеи и стремленія въ об-

ласть русско-татарской мертвчины, не говоря уже о материальныхъ преуспѣяниихъ. Мало того,— и съ болью долженъ констатировать, что при русскомъ господствѣ пришли въ нѣкоторый упадокъ и тѣ средства умственнаго развитія татаръ, какъ представлялись ихъ школами и письменностью.

Только полуразрушенные, развалившіеся памятники старины съ ихъ надписями, кое-какія засаленные, запыленныя книги свидѣтельствуютъ, что когда-то и татары могли писать и говорить красиво, умѣли задумываться надъ вещами, требующими мысли, понимали красоты Гафиза, человѣчность Шеихъ-Саади и смѣлый полетъ мысли Ибъ-Сина и другихъ арабскихъ и персидскихъ писателей и философовъ.

Русскіе мусульмане по законамъ нашего отечества пользуются равными правилами съ коренными русскими и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, во уваженіе ихъ общественнаго и религіознаго быта, имѣютъ кое-какія преимущества и льготы.

Наблюденія и путешествія убѣдили меня, что ни одинъ народъ такъ гуманно и чистосердечно не относится къ покоренному, вообще чуждому племени, какъ наши старшіе братья, русскіе (*). Русскій человѣкъ и простаго, и интеллигентнаго класса смотритъ на всѣхъ, живущихъ съ нимъ подъ однимъ закономъ, какъ на «своихъ», не выказывая, не имѣя узкаго племеннаго себялюбія. Мнѣ приходилось видѣть, какъ арабы и индузы были въ человѣкомъ положеніи среди высоко-образованного парижскаго и лондонскаго общества, не смотря на всю изысканную де-

^{*}) Недавнія грустныя события избіенія евреевъ въ Южной Россіи, какъ имѣвшіе специальныя, особыя причины не могутъ поколебать наше убѣжденіе.

ликатность обращенія съ ними, а можетъ быть и благода-
ря ей. Сыны Азіи какъ-бы чувствовали въ отношеніяхъ
къ себѣ дѣланность, натяжку и обидное снисхожденіе. Это
мнѣ доказывали многие арабы, алжирскіе выходцы, слу-
жащіе или торгующіе въ Франціи. Эту черту племенной
гордости или самомнѣнія я наблюдалъ и у турокъ, у ко-
торыхъ, за отсутствіемъ европейской галантности, она
выступаетъ рельефнѣ...

Слава Богу, не то приходится видѣть у русскихъ.
Служащій или образованный мусульманинъ, принятый въ
интеллигентномъ обществѣ, торговецъ въ средѣ русского
купечества, простой извоѣщикъ, офиціантъ въ кругу про-
стаго люда—чувствуютъ себя одинаково хорошо и при-
вольно, какъ сами русскіе, не тяготясь ни своимъ прои-
сожденіемъ, ни отношеніями русского общества, такъ
что образованные мусульмане, имѣвшіе случай знакомить-
ся съ разными европейскими общесгвами, наиболѣе близ-
ко, искренне сходятся съ русскими людьми. Это не болѣе,
какъ слѣдствіе *едва уловимаго качества русскою націо-
нальною характера*, качества, которое, я увѣренъ, весьма
важно для будущности русскихъ и живущихъ съ ними
племенъ.

Мнѣ приходится читать, а чаще слышать упреки,
что, молъ, русскіе въ массѣ почти лишены племенного,
национального самознанія. Подобный упрекъ едва-ли имѣть-
мѣсто, потому что въ отечественную войну и много ра-
нѣе того, въ тяжелыя годины народной жизни, русскіе
доказали, что сознать свое бытіе и национальную лич-
ность, если можно такъ выразиться. Что же касается то-
го, что русскіе то или другое событие встрѣчаютъ и про-
вожаютъ безъ шуму и треску, то это—народная особен-
ность и, думаю, черта хорошая....

Тамъ, гдѣ французы или нѣмцы пожгли бы много пороха, устроили бы множество символическихъ, демонстративныхъ процессій и факельцуговъ, наговорили бы множество умныхъ и неумныхъ фразъ, русскій ограничивается крѣпкимъ задушевнымъ пожатіемъ руки, молитвой въ храмѣ, а не то—просто сниметъ шапку, да перекрестится. Напримѣръ, недавно Россія и русскіе отпраздновали день 500-лѣтія Куликовской битвы, день,—одинъ изъ важнѣйшихъ въ историѣ Руси. И что же? Ни шуму, ни гаму, ни искусственныхъ декорацій, ни экзальтированныхъ демонстрацій и рѣчей... Молитва въ храмахъ, описание событий въ печати и молебенъ на самомъ знаменитомъ полѣ— вотъ все, чѣмъ былъ отличенъ этотъ день отъ прочихъ. Не знаю такъ ли, но я думаю, что эта черта русскаго характера весьма почтена и заслуживаетъ полной симпатіи.

А пропрос къ дню Куликовской битвы—два слова по исторіи. Извѣстно, что день этотъ служить гранью, съ которой начинается возрожденіе Руси и, обратно, постепенное паденіе татарскаго владычества. Объ этомъ владычествѣ мнѣ приходилось кое-что читать и слышать, и мнѣ всегда казалось, что тутъ что-то какъ бы не дописано или не досказано. Обыкновенно говорятъ: татарское господство причинило Руси неисчислимые бѣдствія, задержало цивилизацию на нѣсколько столѣтій. Это совершенно вѣрно; но я думаю, что столь продолжительное господство надъ Русью какого либо другаго племени, при той же силѣ и могуществѣ, могло бы совершенно уничтожить Русь. Примѣры этому мы видимъ на западныхъ окраинахъ славянства. Татары, какъ господа, собирали дань; какъ дѣти Азіи, частенько похищали хорошеныхъ девушки, и затѣмъ бытовой, религіозной жизни Руси поч-

ти вовсе не касались. Я не историкъ, человѣкъ мало знающій, могу легко ошибиться,—но мнѣ кажется, что, говоря о татарскомъ господствѣ, слѣдуетъ подумать о томъ, что оно, можетъ быть, охранило Русь отъ болѣе сильныхъ тонкоразсчитанныхъ чужеземныхъ вліяній и, своеобразнымъ характеромъ своимъ, способствовало *къ выработкѣ идеи единства Rusi*, воплотившейся въ первый разъ на Куликовомъ полѣ.....

Если, дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ мы, татары, сколько нибудь были полезны Руси, то «долгъ платежемъ красенъ», и мы желали бы, чтобы этотъ платежъ былъ произведенъ уже не старой азіатской, а новой европейской монетой, т. е. распространенiemъ среди насъ европейской науки и знаній вообще, а не простымъ господствомъ и собираниемъ податей. Правда, до сихъ поръ сами русские учились, но нынѣ они могутъ быть нашими учителями и наставниками.

Меня всегда огорчала и поражала та отчужденность, та апатичность, тотъ индифферентизмъ, съ которыми относится мусульманская масса къ самымъ жизненнымъ вопросамъ своего русского отечества, не смотря на то, что и законы, сравнивающіе ее въ правахъ съ русскими, и указанная нами черта русского характера чрезвычайно благопріятствуютъ къ сближенію этихъ двухъ народностей между собою. Это грустное явленіе наблюдается не только на окраинахъ, болѣе или менѣе недавно присоединенныхъ къ имперіи, но и во внутреннихъ губерніяхъ, где есть татарское мусульманское населеніе. Многіе публицисты и путешественники склонны объяснить подобные явленія враждебнымъ духомъ исслама, но въ настоящемъ случаѣ такое объясненіе было бы крайне односторонне и ошибочно. Миѣ, какъ мусульманину, этотъ вопросъ близ-

ко знакомъ, и потому, я рѣшительно заявляю, что религія тутъ не при чёмъ. Ученіе, которое имѣеть докладомъ «*любовь къ землю, которая кормитъ, и вѣрность повелителю, который охраняетъ*», не оставляетъ мѣста отчужденности, обособленности, непріязни, въ смыслѣ политическомъ. Фактъ, упомянутый мной, долженъ имѣть совершенно другія причины, которыхъ мы, по мѣрѣ разумѣнія, ниже укажемъ.

Да, любезные соотечественники русскіе, памъ нужны знаніе и свѣтъ; такъ примите же серьезно и дайте намъ «*свѣта и знаній, знаній и свѣта*», иначе господство ваше, какъ господство ради господства, станетъ ниже Китайскаго, ибо извѣстно, что у нихъ искусство господства доведено до совершенства, и механизмъ его вѣрно и мѣрно движется вокругъ одной и той же точки въ теченіи тысячелѣтій....

II.

Рождаясь и живя въ Россіи, подъ охраной и покровительствомъ общегосударственныхъ законовъ, неся, наравнѣ со всѣми, общія обязанности и повинности, русскіе мусульмане исполняютъ свой долгъ, какъ вѣрноподданные граждане Россіи. Но этого мало. Желательно, чтобы эта еще вицъшая, официальная связь пріобрѣтала все болѣе и болѣе нравственный характеръ; чтобы она неустанно укреплялась и оживлялась сознаніемъ не только ея политической необходимости, но и сознаніемъ ея внутренняго исторического значенія и полезности; желательно, чтобы русское мусульманство прониклось убѣжденіемъ въ томъ, что Провидѣніе, соединивъ его судьбы съ судьбами великой Россіи, открыло предъ нимъ удобные пути къ цивилизациѣ, образованности и прогрессу.

Какъ достигнуть этого? Какъ должны относиться къ

мусульманамъ русскіе, какъ племя господствующее и болѣе образованное? Въ какія отношенія должна стать русская власть къ инородцамъ-мусульманамъ, чтобы, соблюдая коренные государственные интересы, вести въ тоже время мусульманъ къ всестороннему преуспѣянію и прочному сближенію съ русскими, Россіей и ея образованностью? — Вотъ, мнѣ кажется, вопросы, которые нужно тщательно обсудить, съ должной осмотрительностью решить и решенія осуществить на дѣлѣ цѣлесообразными мѣрами, если мы желаемъ добра обширнымъ русскимъ странамъ и населяющимъ ихъ миллионамъ русскихъ мусульманъ...

Намъ не известно, какой руководящій принципъ лежитъ въ основѣ отношеній русской власти, русской политики къ русскимъ мусульманамъ. Литература въ этомъ случаѣ не даетъ почти никакихъ указаний; архивы для насъ недоступны, но изъ известныхъ намъ отрывочныхъ письменныхъ и иныхъ источниковъ мы составили себѣ мнѣніе, что въ отношеніи русского мусульманства правительство не держалось какого либо намѣченного принципа и пути, а дѣйствовало всегда такъ, какъ полагало лучшимъ и необходимымъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, на эмиграцію крымскихъ татаръ правительство, а за нимъ и мѣстная администрація, не имѣло яснаго опредѣленнаго взгляда, такъ что эмиграція эта то поощрялась, какъ желательное явленіе, то задерживалась какъ явление вредное. Также и въ сферѣ народнаго просвѣщенія мусульманъ замѣтно отсутствіе точно опредѣленной цѣли и соотвѣтствующихъ ей средствъ: для нихъ открывались школы, но, какъ плохо и безъ изученія почвы насажденныя растенія, школы эти не давали плодовъ и съ теченіемъ времени погибали безслѣдно.

Желая въ настоящихъ очеркахъ коснуться интересу-

ющихъ насъ вопросовъ лишь въ общихъ чертахъ, мы не будемъ утруждать вниманіе читателя ссылкой на множество фактовъ, а будемъ лишь ограничиваться ими, насколько то необходимо будетъ для болѣе точнаго выраженія нашихъ мыслей и соображеній.

Весьма понятно и весьма естественно, что всякое государство, всякая господствующая народность въ разноплеменномъ государствѣ, въ видахъ упроченія своей будущности, стремится къ единенію, въ широкомъ смыслѣ этого слова, къ возможному приведенію въ однородность своего разноплеменного населенія. Хотя стремленіе это само по себѣ вполнѣ законно, но способъ достиженія его можетъ быть многоразличенъ, и ошибочное избрание путей и средствъ часто, вовсе не приводя къ цѣли, можетъ дѣлать ихъ и самое стремленіе пагубнымъ и безнравственнымъ. Только при тщательномъ изученіи и основательномъ знаніи поля дѣйствій, только при искреннемъ, проникнутомъ идеей блага безпристрастія можно достигнуть выработки наиболѣе подходящихъ и соответствующихъ даннымъ условіямъ и цѣли способовъ къ созиданію *единства* въ разноплеменномъ государствѣ. Исторія указываетъ намъ, какъ при приблизительно равномъ пропорціональномъ отношеніи иноплеменниковъ къ господствующему племени вызывались тяжкія, кровавыя драмы и перевороты, какъ слѣдствіе применения безнравственныхъ и ошибочныхъ способовъ и системъ по упроченію государственного единства, точно такъ же, какъ при иномъ соотношеніи племенъ, тамъ, где господствующее племя представляетъ подавляющее большинство, задерживалось, въ силу вещей, умственное и материальное развитіе обширныхъ странъ и областей, а это, конечно, не могло не отзываться вредно на всемъ ходѣ государственной жизни.

Изучая исторію, мы можемъ замѣтить, что въ отношеніи къ иноплеменнымъ народностямъ, въ видахъ упроченія государственного единства, дѣйствуютъ въ разныхъ государствахъ разныя системы политики, исходящія изъ разныхъ принциповъ и условій. У насъ, въ Россіи, какъ бы примѣняется нѣсколько системъ; одна въ отношеніи одной, другая въ отношеніи другой народности: таковы напримѣръ, отношенія государства къ губерніямъ польскимъ и финляндскимъ, не говоря о другихъ видоизмѣненіяхъ этихъ отношеній къ другимъ инородцамъ и областямъ. Каковы бы ни были тѣ отношенія или системы политики, они преслѣдуютъ одну цѣль—единство государства. Пути къ тому двоякіе: или стремленіе къ кровному, таѣ сказать, къ химическому единенію данной народности съ господствующей—отсюда система ассимиляціонная, russификаціонная, или стремленіе къ единенію нравственному, такъ сказать, къ нравственной, духовной ассимиляції на принципахъ национальной индивидуальности, свободы и самоуправлѣнія.

Первая изъ этихъ системъ политики дѣйствуетъ въ послѣднее двадцатилѣтіе въ Польшѣ, вторая издавна въ Финляндіи. Мы не будемъ касаться того, на сколько нравственны и цѣлесообразны упомянутыя системы въ отношеніи тѣхъ частей Россіи, но позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о практическихъ достоинствахъ самихъ системъ вообще.

Система ассимиляціонной политики, съ какой бы выдержанной и тактомъ она ни проводилась, носитъ въ себѣ характеръ принужденія, ограниченія правъ данной народности и поэтому одному уже имѣеть за собой очень мало симпатій. Но, игнорируя, по ходячей доктринѣ, всякия симпатіи въ области политики и обращаясь только къ цѣ-

лесообразности, полезности ея, мы не находимъ необходимыхъ оправданій для политики поглощенія одной народности другою, политики русификаціонной въ нашемъ отчествѣ, если слово «руссификація» понимать именно въ смыслѣ поглощенія русскими другихъ народностей имперіи. Несомнѣнно, есть горячіе патріоты въ литературѣ и въ администраціи, думающіе, что легко и возможно путемъ канцелярскихъ мѣропріятій, тѣхъ или другихъ ограниченій или поблажекъ переродить ту или другую народность по желаемому образцу. Я ничего ни имѣлъ бы противъ этого желанія, если бы оно было осуществимо въ сколько нибудь краткій періодъ времени, если бы не было однимъ только толченіемъ воды и медвѣжьей услугой отечеству на почвѣ патріотизма; но мы глубоко убѣждены, что для перерожденія, передѣлки по данному образцу какой бы то ни было народности, сколько нибудь исторической и культурной, необходимо столько же времени при совокупности всѣхъ условій, сколько было необходимо при первоначальномъ обособленіи и выработкѣ той народности; иначе, по всей вѣроятности, давнымъ давно исчезли бы съ лица земли десятки народностей, живущихъ уже тысячелѣтія, не смотря на то, что въ доброе старое время, способы поглощенія и ассимиляціи были далеко не столь деликатны и медленны, какъ теперь.... Исторія почти не представляетъ намъ примѣровъ полнаго *смѣшенія*, тѣмъ болѣе *поглощенія* одного народа, племени другимъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ, какъ, напримѣръ, смѣщеніе англо-саксовъ въ Британіи, или арабовъ съ коренными жителями береговъ сѣверной Африки вслѣдъ за завоеваніемъ. Но вспомнимъ, что въ помянутыхъ случаяхъ дѣйствовали такие исторические факторы и условія, которые никакимъ образомъ не созидаются кабинетными проектами и канцелярскими соображеніями.

Апологисты русификаціонной политики часто ссылаются на онъмеченіе Познани, какъ на фактъ, доказывающій практическую состоятельность ассимиляціонной политики вообще. Но не слишкомъ ли преувеличенъ фактъ онъмеченія Познани? Если даже германизация имѣла сравнительные успѣхи въ Познани, то слѣдуетъ еще вникнуть, насколько дѣйствовали тутъ живыя, жизненные условія, качества самыхъ народностей и насколько въ этомъ смыслѣ вліяла канцелярія съ неизбѣжными своими проектами, докладами, ограниченіями, поощреніями, ре-прессаліями, субсидіями и проч., такъ какъ безъ строгаго разграничения въ этомъ отношеніи политикъ легко и легко можетъ ошибиться, строя предположенія и соображенія на неточно понятомъ или мнимомъ фактѣ....

Несомнѣнно, что сила и способность ассимилировать не одинаковы у всѣхъ племенъ, также какъ сила и способность сопротивленія ей. Но все-таки отсюда еще очень далеко до полной ассимиляціи одного народа другимъ, такъ что слѣдуетъ остерегаться, чтобы, увлекаясь частными фактами, не слишкомъ широко обобщать ихъ и не принести въ жертву несостоятельной системѣ ассимиляціи реальные, святые принципы справедливости и прогресса.

Обращаясь къ другой системѣ политики, пристекающей изъ уваженія къ національности и всестороннему равенству племенъ, населяющихъ государство, мы замѣчаемъ, что она, отлично служа *дѣлу государственного единства*, въ тоже время споспѣшествуетъ образованію, прогрессу и выработкѣ лучшихъ формъ труда и жизни; какъ система, имѣющая за собой правду и справедливость, она привлекательна и дѣйствуетъ среди большинства цивилизованныхъ народовъ міра. На основѣ всесторонняго равенства и племенной самобытности мирно и счастливо жи-

вуть въ государствѣ Соединенныхъ Штатовъ иѣмцы, французы и англичане, въ Швейцаріи—иѣмцы, французы и итальянцы, которые въ тоже время готовы бы потопить другъ друга на берегахъ По, Тибра и Рейна! Даже въ болѣе разношерстномъ и болѣе отсталомъ государствѣ, именуемомъ Австро-Венгріей, начинаютъ мирцо уживаться и развиваться иѣмцы, славяне, мадьяры, итальянцы, евреи и прочие, не ослабдяя, а напротивъ укрѣпляя государственное единство, конечно, въ иной формѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ укрѣпить при дѣйствіи системъ занудыцій и поглощеній.... Впрочемъ, къ чemu намъ образцы и примѣры другихъ государствъ и народовъ, когда у себя дома мы имѣемъ не менѣе краснорѣчивыя данныя?... Мы думаемъ, что не смотря на вѣкоторую самостоятельность учрежденій, языка и литературы и вообще народности въ Финляндіи, не смотря на централизацию и многоразличные ограниченія, дѣйствующія въ духѣ русификаціи въ Польшѣ, первая страна несравненно больше русская, чѣмъ вторая, и останется всегда таковой, никогда не представляя собой большаго, слабаго мѣста отечественного организма.

Говоря все это, намъ хочется лишь высказать, что какъ между отдельными человѣческими единицами лучше и легче живется на основѣ взаимного уваженія, признанія правъ и солидарности интересовъ, такъ и общежитіе человѣческихъ группъ и народностей должно исключительно покояться на такихъ же основахъ.

Было время, когда отношенія человѣческихъ индивидуумовъ не знало иного регулятора, кромѣ грубой силы, но нынѣ, слава Богу, не малую роль въ этомъ отношеніи играютъ *правда* и *свѣтъ*. Мы надѣемся на таковой же прогрессъ въ области государственной, общественной жизни,

когда, такъ сказать, общественная совѣсть подымется до уровня развитія совѣсти отдельныхъ индивидуумовъ.

Послѣднія высказанныя нами мысли и надежды могутъ вызвать улыбку у нѣкоторыхъ читателей. Если такъ, то я попрошу ихъ выслушать запавшій мнѣ глубоко въ душу разсказецъ, сообщенный мнѣ матерью, когда мнѣ было еще 13—14 лѣтъ, разсказецъ извѣстный почти каждому мусульманину и который можетъ быть отчасти объяснить выраженные выше надежды и мысли.... Нельзя всякаго хана или падишаха именовать *адилем* (справедливымъ), такъ начинается разсказецъ, ибо очень трудно быть справедливымъ. Нашъ пророкъ позволилъ называть «справедливымъ» только одного падишаха древности,— его зовутъ Адиль-Нухъ-Ширванъ, потому что онъ былъ *всегда и во всемъ* крайне справедливъ ко всѣмъ народамъ, которые жили въ его обширной, богатой и счастливой имперіи. Однажды онъ угощалъ народъ своей столицы. За большими столами, уставленными прекрасными кушаньями и душистыми, прохладными пербетами, сидѣли и угощались старцы и молодые, богатые и бѣдные, христиане и мусульмане. Адиль-Нухъ-Ширванъ обходилъ своихъ гостей и радовался имъ. Къ концу угощенія, великий, милостивый падишахъ внезапно чѣмъ то смутился и, обратившись къ гостямъ, воскликнулъ: «Меня зовутъ милостивымъ и справедливымъ; увы, я царствую сорокъ лѣтъ и только теперь замѣтилъ всю неправоту мою, заслуживающую наказанія Аллаха! Я всегда сажалъ за эти столы рядомъ молодыхъ и старцевъ; старцы отставали, торопились;— молодые, вѣроятно, стѣснялись присутствія старцевъ, значитъ и тѣ и другіе были лишены надлежащаго покоя и моего вниманія. Я не такъ долженъ быть распоряжаться, я долженъ быть одинаково, но порознь угощать

ихъ и потому не заслуживаю великаго прозвища «справедливаго»! Да продлитъ Аллахъ дни мои, чтобы загладить роковую ошибку!»

Можете быть увѣрены, читатель, что очень многіе мусульмане усваиваютъ понятія права, правды и справедливости также, какъ иногда очень точныя воззрѣнія на вещи вовсе не въ замысловатыхъ книгахъ, а въ подобныхъ безъискусственныхъ разсказахъ, сопоставленіяхъ и сравненіяхъ.....

III.

Извиняясь за невольное отступление отъ непосредственнаго предмета сихъ замѣтокъ, русскихъ мусульманъ, — мы возвращаемся къ нимъ и, оговорившись, что въ отношеніи ихъ *невозможны*, *а потому и нежелательны*, ни отношенія, существующія въ Финляндіи, ни русификаціонныя стремленія, дѣйствующія въ Польшѣ, тутъ мы постараемся выяснить слѣдующій вопросъ: какимъ путемъ стремиться къ сознательному общественному и государственному единенію русскихъ мусульманъ съ Россіей и ея образованностью? Вся цѣль настоящихъ замѣтокъ клонится къ выясненію поставленнаго вопроса. Выше мы упоминали объ отчужденности мусульманъ относительно Россіи объ ихъ индифферентизмѣ въ отношеніи я жизни. Это происходитъ вовсе не отъ тѣхъ или другихъ политическихъ симпатій или стремленій русскихъ мусульманъ таковыя у нихъ не имѣются. Мусульманину почти безразлично, кто имъ повелѣваетъ,—онъ по своему закону обязанъ повиновеніемъ,—лишь бы только власть надъ нимъ была справедлива и въ проявленіяхъ своихъ не стѣсняла религіозно-бытовую сторону его жизни. При этомъ условіи онъ не чувствуетъ къ окружающему ни вражды, ни симпатіи; онъ дѣлается индифферентнымъ. Все

не свое—его не интересуетъ, все, что не входитъ въ кругъ его знаній, привычекъ и вѣрованій—ему чуждо и не нужно. Для всѣхъ случаевъ жизни, для всѣхъ вопросовъ ума и сердца онъ не нуждается въ помощи опыта, критики и науки;—всё это замѣняетъ вѣчный Король съ вѣчно-неизмѣнными отвѣтами и указаніями на всѣ вопросы жизни и смерти.....

Въ силу существующихъ соціально-общественныхъ условій быта и жизни русскіе и мусульмане *лишены возможности обмѣна мыслей и идей*; всѣ спошениа начинаяются и кончаются на «купи—продай; давай—бери» и за тѣмъ одинъ идетъ направо, другой налево. Разность языка и жизни, обстановки и вѣрованій ни коимъ образомъ не могутъ способствовать развитію взаимнаго сближенія, живаго сочувствія и интересовъ, поэтому вѣтъ нужды искать причинъ мусульманской отчужденности отъ русской жизни и дѣятельности въ политической или иной подкладкѣ. Я глубоко убѣжденъ, что только *незнаніе, невѣдѣніе и недоразумѣніе* сдерживаетъ мусульманина отъ близкаго, дѣятельнаго и сочувственнаго пріобщенія къ общей русской, отечественной жизни. Исламизмъ непосредственно тутъ вовсе не мѣшаетъ.... Есть нѣчно посильнѣе и постарѣе его, которое мѣшаетъ и портить тутъ дѣло какъ и вездѣ,—это невѣжество, борьба съ которымъ до сихъ поръ не организована какъ слѣдуетъ и для борьбы съ которымъ должны приняться лучшіе мусульмане въ русскіе.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ русское мусульманство можетъ искренне сочувствовать Россіи и русскимъ, когда оно ихъ не знаетъ и встрѣчается съ ними неизначе, какъ въ формѣ начальника, дѣйствующаго на непонятномъ ему языкѣ; неизначе, какъ въ формѣ податей, пош-

лииъ, марокъ и разныхъ повинностей?.... Какое дѣло мусульманину до новыхъ и старыхъ судовъ и гласности?— Тѣ и другіе для него тьма кромѣшная. Какое ему дѣло до городскихъ и земскихъ учрежденій, послѣ уплаты причитающагося налога, когда эти учрежденія и нальцемъ не шевелятъ ради мусульманъ, какъ мѣстного элемента? Какое ему дѣло до русской науки и печати съ ея вопросами и интересами, когда онъ не подозрѣваетъ существованіе первой и не вѣдаетъ рѣчи и стремлений послѣдней?..... При подобной обстановкѣ и условіяхъ никакая солидарность, сознательное сочувствіе не мыслимы, а напротивъ нерѣдко по ошибкѣ или недоразумѣнію возникаютъ такія обстоятельства, которыхъ поселяютъ среди мусульманъ мрачныя ожиданія; боязнь будущаго, пассивное озлобленіе и, такъ сказать, еще большій уходъ въ самихъ себя, въ свой сперты душный мірокъ.... Напримѣръ, вводится всеобщая воинская повинность. Крымцы впервые призываются къ воинской службѣ, но никто не позаботился дать населенію точныхъ понятій о предстоящей обязанности, и вотъ стουстая молва, нерѣдко исходившая изъ грязныхъ, низменныхъ источниковъ, оповѣстила татаръ, что до сорока лѣтъ назадъ возраста всѣ будутъ взяты въ солдаты и разосланы по России. Понятно, татары всполошились и нужна была значительная доля терпѣнія, времени, опыта и уступокъ, чтобы успокоить населеніе и избѣжать легко возможныхъ раззореній и несчастій.... Для крещенныхъ инородцевъ Положья нужно строить церкви и пріобрѣсти священные книги и прочее. Отлично; но дурно то, что подписки и сборы денегъ на сей предметъ поведены такъ неумѣло, халатно и грубо, что всполошили все мусульманство края, вызвали нѣкоторыя репрессіи и замутили довѣріе всего русского мусульманства нелѣпыми слухами, обетѣвшими

все мусульманство отъ Касимова до Ташкента, отъ Перми до Ленкорана о насильственномъ обращеніи въ православіе съверныхъ мусульманъ и замѣнѣ минаретовъ колокольнями! Еще одинъ примѣръ и пока довольно. Въ видахъ экономического улучшенія края и послѣдовательно привлеченія въ край русскаго элемента,—сначала проектируется размежеваніе башкирскихъ земель, затѣмъ льготная раздача русскимъ казенныхъ земель въ томъ же краѣ—и что же? Мѣры, которыя могли имѣть основаніемъ добро, вызываютъ одна—волnenія, усмиренія и ссылки, другая—расхищеніе земель, завершившееся довольно громкимъ скандаломъ ихъ отборанія, но что всего хуже, что больше всего печалитъ нась, это зловѣщій шопотъ, коснувшійся всякаго правовѣрнаго уха, о томъ, что въ далекихъ губерніяхъ русскіе отнимаютъ земли мусульманъ и раздаютъ своимъ помѣщикамъ!

Русскіе и мусульмане, не имѣя никакого источника и способа для опроверженія, разъясненія или надеждащающаго освѣщенія подобныхъ нелѣпостей или часто превратныхъ, ошибочныхъ толкованій самыхъ необходимыхъ вещей, едва ли могутъ понять другъ друга, а безъ пониманія сближеніе, сочувствіе, сознаніе единства, останутся всегда явленіями весьма желательными, но сомнительными.

Обращаясь теперь къ разрѣшенію поставленного выше вопроса о путяхъ единенія мусульманъ съ Россіей, посмотримъ, можно ли достигнуть этого путемъ ассимиляціонныхъ отношеній, можно ли обрушить мусульманъ?

Прежде всего наблюдателю нетрудно замѣтить, что ассимиляціонная способность русскихъ должна быть очень слаба, ибо, по крайней мѣрѣ, мы не могли видѣть обруслыхъ инородцевъ, а напротивъ встрѣчали примѣры того что русскіе въ нѣкоторой степени поддавались вліянію

окружающихъ инородцевъ, перенимая ихъ языкъ, безъ оглагленія, конечно, своего, также какъ некоторые обычаи, повѣрья и одежду. Таковыя явленія можно наблюдать въ вѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ, въ русскихъ поселеніяхъ Кавказа и Закавказья. Русскія деревни въ Крыму отличаются отъ татарскихъ тѣмъ, что тамъ церковь, а здѣсь мечеть. Мужика по виѣшнему виду не отлишишь отъ татарина, и только своеобразный выговоръ татарской рѣчи выдаетъ его русское происхожденіе. Интересно, что вліяніе татаръ распространяется даже на упорныхъ неподдающихся вообще немцевъ. Немецкіе колонисты Крыма почти всѣ говорятъ потатарски, переняли бое-что изъ незатѣйливаго гардероба татаръ и въ тоже время плоховато осваиваются съ русской рѣчью.

Хотя мусульмане и лишены высокой европейской культуры, какъ силы для самосохраненія, но они *въ своей религии и проистекающемъ изъ нея своемъ общественномъ бытѣ имѣютъ весьма крѣпкую, почти непреоборимую силу сопротивленія всякимъ чуждымъ вліяніямъ во вредъ своей национальной индивидуальности.* Обыкновенно интересъ, выгода—стимулъ дѣйствій человѣка, но и они безсильны не рѣдко передъ убѣжденіемъ мусульманина. Напримеръ, по всей Россіи вы не найдете мусульманина, торгующаго въ кабакѣ и содержащаго домъ терпимости.

Обратите вниманіе и изучите всѣ функции любой мусульманской общины въ наименьшей ея единицѣ, представляемой приходской общиной. всякая такая община представляетъ собою миніатюрное государство съ прочной связью частей съ цѣлымъ и имѣть свои законы, обычаи, общественные порядки, учрежденія и традиціи, поддерживаемые въ постоянной силѣ и свѣжести духомъ исламизма. Община эта имѣть свои власти въ лицѣ старшинъ и все-

го прихода, ненуждающіяся въ высшемъ признаніи, ибо авторитетъ этой власти — авторитетъ религіозно-нравствен-
ный, ея источникъ — Коранъ. Община эта имѣть совер-
шенно независимое духовенство, ненуждающееся ни въ
какихъ санкціяхъ и посвященіяхъ. Всякій подготовленный
мусульманинъ можетъ быть ходжей (учитель), муэззиномъ,
имамомъ, ахуномъ и т. д., при согласіи общины. Мусуль-
манство, не имѣя и не признавая сословій, не имѣть и
кастового духовенства. Сословіе духовныхъ, установленное
русскими законами въ нѣкоторыхъ земляхъ мусульманъ,
существуетъ лишь рго формы, не мѣшаю при нуждѣ от-
правлять духовныя требы и членамъ другихъ сословій,
конечно, подготовленнымъ къ тому. Каждая мусульманская
община имѣть свою школу и мечеть, содержимыя или
общиной, или на завѣщанные на то капиталы и имущества
(викуфы). Мусульманское мектебе близко соприкасается съ
общиной и служить дополненiemъ школы семейной, гдѣ
чуть не съ пеленокъ дитя подвергается неотразимому влія-
нію отца и матери въ дѣлѣ воспитанія въ духѣ ислама,
такъ что ребенокъ 7—8 лѣтъ уже имѣть столь сильную
мусульманско-племенную закваску, что удивить всякаго
новичка-наблюдателя и заставить призадуматься рьяного
руссификатора. Нѣсколько такихъ общинъ имѣютъ одну
соборную мечеть; нѣсколько десятковъ ихъ — одно *медресе*,
вышшую школу, гдѣ концентрируются и имѣютъ источникъ
всѣ познанія мусульманъ, откуда выходятъ ихъ богословы
законовѣды, муллы, ахуны, учителя и *вообще учёные*. Всѣ эти учрежденія и установленные общественные
порядки неуклонно и неустанно работаютъ изъ года въ
годъ, поддерживаемые нравственно Кораномъ и материаль-
но общиной и ея богатыми членами, въ ожиданіи наградъ
будущей жизни.

Такая мусульманская община въ 10—20 семействъ, буда бы ни была заброшена судьбой, сейчас группируется вокругъ мечети, или школы, совмѣщаемыхъ нерѣдко въ одномъ и томъ же помѣщеніи и немедленно для питанія себя высшими познаніями примыкаетъ къ сферѣ дѣйствій какого либо ближайшаго медресе, куда посылаютъ дѣтей, предназначаемыхъ къ высшему мусульманскому обученію.

Такія небольшія мусульманскія общины, разбросанныя отдельными поселками, наблюдаются во многихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи и, несмотря на вѣковое сожительство въ массѣ русскаго люда, не утратила никакой татарско-мусульманской черты, и распространеніе между ними даже русской рѣчи сравнительно весьма незначительно, и то между мужскимъ поломъ. Что касается мусульманокъ, онѣ вовсе не говорятъ порусски, за весьма рѣдкими исключеніями. Примѣръ весьма поучительный и доказывающій необыкновенную племенную устойчивость татаръ представляютъ литовскіе татары, разыпанные чуть не въ десяти губерніяхъ Юго-Западнаго и Привислянскаго края въ числѣ восьми, девяти тысячъ душъ:

Годъ тому назадъ, посѣтивъ нѣкоторыя губерніи Литвы для ближайшаго изученія вліянія европейской культуры на азіатцевъ, мы наблюдали житье-бытье деревенскихъ и городскихъ татаръ Литвы. Надо замѣтить, что наиѣшніе литовскіе мусульмане—потомки тѣхъ ордъ татарскихъ улановъ, которые нанимались литовскими князьями для борьбы съ Польшей, какъ лихіе наѣздники и вѣрные тѣлохранители. Благодаря предоставленнымъ имъ широкимъ льготамъ съ правомъ женитьбы на литвянкахъ, часть этого наемнаго воинства поселилась въ Литвѣ. Вслѣдствіе того, что жены поселенцевъ-татаръ не понимали вовсе

потатарски, уже первое поколение литовских татарчать говорило больше языкомъ матери т. е. политовски, чѣмъ потатарски, такъ что черезъ нѣсколько поколѣній татарскій языкъ исчезъ изъ употребленія, и языкъ литовской стала национальнымъ языккомъ тамошнихъ татаръ.

Не смотря однако на это столь исключительное условіе и крайнюю разбросанность поселеній, литовские мусульмане сохранили исламизмъ, какъ религію, типъ и традиціи—какъ татары. Не смотря на массу крайне неблагопріятныхъ условій мѣстности и жизни, они пережили нѣсколько столѣтій, сохранивъ свою религію и упорно отстаивая свою индивидуальность. У нихъ такія же мечети, тѣ-же обряды, какъ у прочихъ мусульманъ. Правда, по недостатку средствъ, они не имѣютъ мектебовъ и медресе, но у нихъ существуютъ подвижные школы,—ходжи, переходящіе изъ одной мѣстности въ другую, гдѣ надо и желають учиться правиламъ ислама. Каждая семья татарь имѣеть необходимыя священные книги съ переводами арабскаго текста на польско-литовскій языкъ. Войдя въ домъ, въ хижину литовскаго мусульманина, вы непремѣнно замѣтите на стѣнахъ рамки съ красиво написанными и раскрашенными изреченіями изъ Корана и вензелевыми именами Аллаха, пророка, Али, Омара и другихъ. Словомъ, путешествіе по Литвѣ убѣдило меня, что исламизмъ почти непобѣдимъ и что вѣроотступничество между литовскими татарами—явление столь-же рѣдкое, какъ напримѣръ въ Крыму.

Однако, на первый взглядъ, литовские мусульмане во все непохожи на такихъ другихъ странъ. Впервыхъ большинство ихъ болѣе или менѣе образовано, и очень многие служатъ въ военной и гражданской службѣ, пользуясь довѣріемъ администраціи, какъ нейтральный, надеж-

ный элементъ края. Такъ мнѣ пришлось посѣтить одну татарскую деревню близъ Вильно, гдѣ всѣ жители имѣютъ тотъ или другой орденъ и всѣ—иоручики или маіоры и губернскіе секретари въ отставкѣ. Мусульманскаго затворничества среди нихъ несуществуетъ. Понятно, что литвицкамъ, выходи за мужъ за татарина, приходилось бороться за свою свободу и, благодаря благопріятнымъ условіямъ, имъ удалось воспротивиться созиданію «гарема». Нынѣ тамошнюю мусульманку трудно отличить отъ коренной польки или лятивинки и только ихъ собственные имена—Фатьма, Айша, Меріемъ, Зелиха и т. д., при ближайшемъ знакомствѣ, даетъ знать ихъ мусульманское происхожденіе. Обыкновенно литовскіе татары носятъ русско-польскія имена съ фамиліями отъ татарскаго корня, какъ Ахматовичъ, Асановичъ, Селимовичъ, и прочее. Вообще, замѣтимъ мимоходомъ, литовскіе мусульмане—лучшіе татары Россіи и стоять вообще во главѣ мусульманства по культурѣ и образованности. Было бы весьма желательно привлеченіе ихъ къ дѣятельности среди остальныхъ мусульманъ Россіи. Но службѣ имъ можно бы дать иѣкоторыя льготы для того, чтобы облегчить это, ибо, я думаю, ихъ культурная жизнь послужила бы хорошимъ примѣромъ многимъ другимъ мусульманамъ.

Изъ приведенныхъ выше замѣтокъ видно, что мусульманская община представляется компактную, прочную массу, живущую особой, своеобразной жизнью, вліять на которую въ смыслѣ русификації едва ли возможно, если не доходить до геркулесовыхъ столбовъ всевозможныхъ ограниченій, стѣсненій и прочее. Русификаціонная система могла бы, напримѣръ, направить усилия къ стѣснению, ограничению изученія исламизма: тогда оно укрылось бы въ семью, которая никоимъ образомъ не могла бы

быть контролируема; могла бы затруднить достижение духовного сана, звания; въ этомъ случаѣ пришлось бы бить по воздуху, такъ какъ существовало бы болѣе влиятельное, неофиціальное духовенство, борьба съ которымъ выходила бы изъ круга доступной дѣятельности; могла бы ограничить постройки мечетей, но это было бы бесполезно, такъ какъ любая чистая комната, лѣтомъ любое мѣсто могутъ замѣнить ее; могла бы стѣснять письменность, книгоизданіе,—но мусульманство развилось и живетъ исключительно рукописями; могла бы съузить дѣятельность рѣчи, не теряя, не признавая ея гдѣ только было бы возможно, но это, не ведя къ цѣли, вело бы населеніе къ ограничению дѣятельности и раздраженію; могла бы..... Но впрочемъ, довольно. И помянутыя чудовищныя мѣроприятія, если бы они дѣйствовали, были бы бессильны въ смыслѣ русификаціи мусульманъ, по то, порождая непріязнь, глухую борьбу, обходъ законовъ, вызвали бы безнравственность, усугубили бы невѣжество мусульманъ и мало по малу въ борьбѣ за существованіе съ болѣе просвѣщенными обществами, они неминуемо пошли бы къ обѣданію и вымиранию, если ходъ исторіи не вызвалъ бы иного кризиса...

Но не къ тому должна вести насъ великая Россія! Я не пожертвовалъ бы ни одной капли чернилъ для этихъ замѣтокъ, если бы одну минуту сомнѣвался въ блестящемъ будущемъ моего отечества и живущаго въ немъ мусульманства. Я вѣрю, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россіей, станетъ во главѣ умственного развитія и цивилизациіи остального мусульманства. Цивилизациѣ, родившихся на крайнемъ востокѣ и постепенно до сихъ поръ подвигаясь на западъ, вынѣ, кажется, начали обратное движеніе на востокъ и на пути ея русскіе

и русские мусульмане мнѣ кажется, предназначены быть лучшими ея проводниками....

Если цивилизацию Востокъ водворили на западъ римляне и арабы, то можетъ быть Провидѣніе предназначало русскихъ и татаръ къ водворенію западной на Востокъ,.

Однако я уклонился отъ предмета своихъ замѣтокъ. Итакъ, если мы находимъ, что обрученіе тюрко-татаръ Россіи невозможно и, слѣдовательно, единеніе этому путемъ недостижимо, то что же остается? Остается возможность единенія, сближенія нравственного, на почвѣ равенства, свободы, науки и образования. Достигнуть этого не такъ трудно, какъ можетъ показаться съ первого взгляда. Подобное единеніе можетъ быть весьма прочно и не отразится никакимъ дурнымъ явленіемъ въ сферѣ государственной и экономической жизни нашего отечества, напротивъ, поведеть къ быстрому умственному и экономическому преуспѣянію областей, населенныхъ русскими мусульманами.

IV.

Если взаимное знакомство, общность идей и интересъ связываютъ отдельные единицы людей, то мнѣ кажется, что тѣ-же мотивы отлично могутъ служить и для единенія общественныхъ группъ и народностей. Дайте мусульманамъ возможность знать Россію, ея жизнь и законы, дайте имъ возможность приобрѣтать познанія, которыя-бы своей живительной струей освѣжили ихъ затхлое мировоззрѣніе, облегчите доступъ къ нимъ новыхъ идей и принциповъ,—и вы увидите, какъ быстро оживеть, очеловѣчиться и примкнетъ къ русской мысли и жизни дремлющая и апатичная мусульманская масса. Конечно, этого можно достигнуть не крутыми мѣрами, а прямымъ и до-

върчивымъ обращенiemъ къ учебнымъ средствамъ и языку самихъ мусульманъ

Словомъ, *нравственное обрушение* мусульманъ можетъ совершиться путемъ подъема ихъ умственного уровня и знаний, а это можетъ совершиться только путемъ признания за татарскимъ языкомъ правъ гражданства въ школѣ и литературѣ. Русскіе мусульмане не имѣютъ ни науки, ни литературы, ни печати и, полагаю, надо облегчить поощрить ихъ развитіе. Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что они могутъ учиться въ русскихъ школахъ и затѣмъ пользоваться русской литературой и печатью для своего развитія. Въ отношеніи единицъ—это такъ, но если дѣло идеть о массахъ, то безсиліе русскихъ школъ и науки въ обсуждаемомъ нами вопросѣ, мнѣ кажется, очевидны и не допускаютъ возраженій. Мнѣ могутъ сказать еще, что для инородцевъ-мусульманъ открываются специальные русско-татарскія народныя школы для обученія ихъ русскому языку. Увы, я былъ однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ учителей этихъ недавно народившихся школъ, получилъ одобрение за свою дѣятельность, и послѣ шести-семилѣтней практики оставилъ эту дѣятельность, потерявъ всякую надежду выучить говорить порусски хоть одного татарина. Можетъ быть, я былъ плохой учитель, но успехи и другихъ многихъ сотоварищѣ моихъ не дали иныхъ результатовъ, и мы стоимъ передъ роковымъ вопросомъ: выпустили-ли въ цѣлое десятилѣтіе крымскія татарскія школы хоть одного татарченка съ свидѣтельствомъ на знаніе русской рѣчи?

Что русская школа дѣлаетъ татаръ есть мертвороожденное учрежденіе—это доказываетъ ея практика, поддерживаемая и теоріей дѣла. Представьте себѣ округу, волость, населенную мусульманами. Во всей окружѣ порусски гово-

рить волостной писарь и бывающій тамъ наездомъ становой. Воть въ одной изъ деревень этой округи открываютъ русскую школу—земскую или министерскую, это все равно. Нанимается или строится помѣщеніе. Населеніе недоумѣваетъ, зачѣмъ это, къ чему это поведетъ... Воть появляется здѣсь народный учитель съ тощимъ запасомъ разныхъ книжекъ, и начинается лучеиспусканіе свѣта русской науки и просвѣщенія. Обыкновенно мусульмане посылаютъ дѣтей въ школу не ранѣе 10—12 лѣтъ, но окончаніемъ ими курса своихъ мектебъ—это ихъ традиція. Ученіе въ сельской школѣ можетъ продолжаться не болѣе 5—7 мѣсяцевъ въ году при 2—3 часовомъ занятіи въ день.... Спрашивается, какіе же могутъ быть при такихъ условіяхъ результаты обученія русскому языку?

Вспомнимъ, сколько времени и усилия нужно для того, чтобы путемъ школы, при желаніи, при отличныхъ преподавателяхъ и руководствахъ довести русского мальчика или юношу до сколько нибудь основательного изученія иностранного языка, и мы легко поймемъ все безсиліе инородческой школы, лишенной симпатіи, почвы и даже сколько нибудь удовлетворительныхъ руководствъ. Въ Симферополь существуетъ татарская учительская семинарія для приготовленія народныхъ учителей изъ татаръ. Въ этомъ *закрытомъ заведеніи*, гдѣ татарскіе мальчики находятся подъ постояннымъ наблюденіемъ и руководствомъ опытныхъ педагоговъ и наставниковъ, окруженные русской прислугой, нужно *не менѣе трехъ лѣтъ*, какъ говорить опытъ, усиленного ученія по 10 мѣсяцевъ въ году при 7—8 часовомъ занятіи въ сутки въ классѣ, чтобы выучить ихъ русской *речи на столько*, чтобы было возможно дальнѣйшее преподаваніе предметовъ курса на русскомъ языкѣ. Если въ приготовительномъ классѣ закрытаго заведе-

нія нужно мальчику 3 года для усвоенія русской грамоты, то ученику народной школы для такового же успѣха необходимо, сравнительно, не менѣе 9 лѣтъ ученія, при желаніи выучиться со стороны учащагося.

Очевидно, что если бы мы силой задерживали мусульманна въ русской школѣ до 18—19 лѣтниго возраста и успѣвали выучить его русской рѣчи, то результатъ все-таки былъ бы сравнительно ничтожный, такъ какъ такая школа, какъ органъ зуబренія и обремененія памяти, не имѣлъ бы никакого воспитательнаго значенія, и время для того было бы упущенное безвозвратно, между тѣмъ какъ, если бы цѣлью инородческой школы поставить исключительную цѣль всякой школы—воспитаніе и развитіе, и воспользоваться для того родной рѣчью инородца, то время, затрачиваемое теперь на додѣление русскихъ словъ и фразъ, ненужныхъ ему въ его обиходѣ, пошло бы на обогащеніе его ума полезными знаніями элементарныхъ образовательныхъ наукъ и мусульмане могли бы получить толчекъ къ умственному движению: они увидѣли бы въ такой школѣ реальную пользу, а не нѣчто туманное и непонятное...

Высшее образованіе въ Россіи немыслимо безъ общегосударственного русского языка, но ничто не мѣшаетъ для распространенія элементарныхъ знаній (народныя школы, низшая ремесленная профессиональная школы) пользоваться татарскимъ языкомъ. Этимъ путемъ знанія проникли бы въ массу мусульманъ быстро; они, вместо безилоднаго зуబренія русскихъ словъ, могли бы изучить,—что такое Россія и русскіе (отечествовѣденіе), пріобрѣли бы общеобразовательные свѣдѣнія и нѣкоторыя прикладныя знанія, подвергаясь въ тоже время воспитательному вліянію своего образованнаго наставника.

Я решительно не понимаю, что можетъ мѣшать введенію татарскаго языка въ школѣ. Развѣ русскій языкъ и наука настолько слабы и не окрѣпли, что ихъ нужно охранять насчетъ другихъ языковъ имперіи? Если вѣтъ, то повторяемъ, пока элементарная познанія не распространяются среди мусульманъ и не шевельнутъ ихъ мозговъ, до тѣхъ поръ русская наука и рѣчь будуть для нихъ недосягаемы. Они не будутъ знать ихъ значенія, не будутъ чувствовать въ нихъ нужду. Инородческія школы будутъ толочь воду, а русскія гимназіи и университеты тщетно ожидать и ожидать мусульманскихъ юношей. Мусульманинъ не подозрѣваєтъ иной книги кромѣ Закона Божія, иной науки кромѣ богословія. Географія, исторія, ариѳметика и прочее ему вовсе невѣдомы. Въ его убѣжденіи русская школа—это мектебъ; гимназія и прочее—это русскія медресе. А такъ какъ онъ имѣетъ свой мектебъ и медресе и желаетъ быть муллой и кадиемъ, а не попомъ или судьей, то его не интересуютъ ни русская школа, ни русскія книги, которыхъ онъ, по невѣдѣнію, даже нѣсколько опасается.

Свѣта, свѣта дайте намъ, старшіе братья, иначе мы задохнемся, будемъ разлагаться и заразимъ мѣстность. Мы, мусульмане,—еще дѣти, такъ будьте же разумными педагогами;—говорите съ нами такъ, чтобы мы понимали васъ, а не хлопали только глазами. Когда мы поймемъ васъ; когда въ свое мектебъ мы пріобрѣтемъ первоначальные плоды вашей науки и знаній; когда мы изъ татарскихъ книгъ узнаемъ нашу родину Россію и ея порядки: будьте увѣрены, у насъ явятся и желанія, и средства наполнить ваши гимназіи и университеты, чтобы трудиться рядомъ съ вами на поприщѣ жизни и науки. А до того мы, не зная ни вашей науки, ни вашей жизни, бу-

демъ чуждаться, избѣгать ихъ и не будемъ сознавать ихъ пользы и значенія, не смотря на трогательное краснорѣчіе и убѣжденіе чиновниковъ разныхъ невѣдомыхъ намъ вѣдомствъ.

Какъ вы хотите, чтобы человѣкъ съ завязанными глазами узналъ другого и, не зная его, сочувствовалъ, сблизился съ нимъ? Если русская литературная рѣчь оказалась несостоятельной, какъ органъ начального образования среди русскихъ же въ Малороссіи, то очевидно, что въ отношеніи татаръ онъ пригоденъ еще менѣе. Земства, послѣ краткаго опыта, сознали это и позакрывали открытые для татаръ школы, и нынѣ въ лицѣ таврическаго губернскаго земства ходатайствуютъ передъ высшимъ правительствомъ о введеніи въ школы преподаванія татарскаго языка. Еще нѣсколько времени—и министерство народнаго просвѣщенія сознаетъ то-же. Позволю себѣ привести одно соображеніе, хотя и нѣсколько парадоксальное. Если бы, для воспитанія и просвѣщенія, ввести въ русскихъ народныхъ школахъ преподаваніе на немецкомъ языкѣ, вмѣсто роднаго русскаго, съ лучшими учителями и руководствами, то можно ли ожидать практическихъ результатовъ и скораго просвѣщенія *русского мужика*? Если нѣть, то будьте увѣрены, что русскій языкъ имѣеть въ инородческо-мусульманской школѣ еще менѣе значенія.

Школа—органъ умственнаго и нравственнаго воспитанія. Служить чemu другому она не можетъ и не должна. Русская рѣчь распространится по руси не путемъ нѣсколькихъ десятковъ жалкихъ школъ, а улучшениемъ, облегченіемъ сообщеній, расширеніемъ способовъ труда и торговыхъ промышленныхъ спошений населяющихъ ее народовъ. А для этого прежде всего надо позволить и помогать писать, читать и учиться на родномъ языкѣ, вся-

кому русскому народу, не забывая, что наука одна для всего человѣчества, что она одна побѣждаетъ предразсудки невѣжества и только на ея почвѣ посльдуется единеніе русскихъ татаръ съ русскимъ славянствомъ.

V.

Выше мы высказали убѣжденіе, что для единенія русскихъ мусульманъ съ русскими, для нравственного ихъ обрусѣнія, если можно такъ выразиться, слѣдуетъ смѣло и прямо прибѣгнуть къ ихъ учебнымъ средствамъ и ихъ собственному языку.

Если мы разъ признаемъ возможность этого, то думаемъ, что этимъ путемъ легко можемъ вліять на воспитаніе, умственное развитіе мусульманъ и впустимъ свѣжую струю воздуха въ затхлую атмосферу ихъ неподвижности и живительный лучъ свѣта въ мракъ ихъ вѣковаго невѣжества.... Этимъ путемъ мы легко и скоро вдохнемъ новую жизнь въ умственную и практическую дѣятельность учениаго (улемы), торгового и сельского класса мусульманъ, для коихъ русскія воспитательныя и образовательныя учрежденія тоже, что для слѣпаго свѣча. Въ этомъ случаѣ даже образованіе высшаго класса мусульманъ, каковы первоклассные негоціанты изъ внутреннихъ губерній, беи, мурзы и пр. въ окраинахъ, приобрѣтетъ болѣе солидное основаніе. Хотя пѣкоторые члены этого класса нынѣ показываютъся изрѣдка, какъ метеоры, въ средне-учебныхъ заведеніяхъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, но они, за очень немногими исключеніями, возвращаются во свойси съ третьего или четвертаго класса... Въ теченіи столѣтія изъ крымскихъ мусульманъ только одинъ кончилъ курсъ въ кадетскомъ корпусѣ и одинъ окончилъ курсъ въ университѣтѣ. Мы не могли собрать точныхъ цифровыхъ данныхъ объ успѣхахъ въ этомъ отношеніи мусульманъ въ дру-

гихъ мѣстностяхъ Россіи, но можемъ сказать, что и тамъ результаты не болѣе блестящи.

Не можемъ не привести здѣсь еще одно замѣчаніе, которое вполнѣ заслуживаетъ вниманія и дальнѣйшаго наблюденія. Мусульманинъ по простотѣ и патріархальности своего быта, по чистотѣ внушаемыхъ ему съ дѣтства религіозно-нравственныхъ принциповъ, чуждый хитрости и лицемѣрія, которыми онъ гнушается,—человѣкъ честный. Солидно образованный мусульманинъ, къ хорошимъ качествамъ зауряднаго присоединяетъ болѣе широкіе, гуманные взгляды на вещи; наука и значія, не колебля *всемъ* мусульманскихъ основъ и симпатій, освѣщаются, гуманизируютъ его воззрѣнія, уничтожая, конечно, предразсудки и суевѣрія. Но тѣ мусульмане, которые волей судьбы такъ или иначе освоять какой либо иностранный языкъ и приобрѣтутъ вышешній лоскъ европеизма, безъ солидной научной подкладки,—увы, эти люди почти потеряны для полезной, дѣятельной жизни. Это—люди, потерявшие хорошие качества своего племени и усвоившіе дурныя качества другого. Въ молодости они обыкновенно люди дешевыхъ свободныхъ принциповъ, поклонники Бахуса и Венеры, на старости лѣтъ они отвратительные ханжи и лицемѣры, усердно отмаливающіе грѣхи молодости въ борьбо всякой новизной и свѣтомъ дѣйствительнаго знанія и прогресса. Этотъ печальный типъ мусульманъ я наблюдалъ среди насъ, русскихъ мусульманъ, среди арабовъ и очень много среди турокъ.

Избави нась Богъ отъ такихъ плодовъ цивилизаціи и языкоznанія. Не языкоznаніе развивается мозги, а научная подкладка воспитанія; не русскій языкъ вдохнетъ новую жизнь въ русское мусульманство, а наука, которая

должна быть передана имъ наилегчайшимъ и дѣйствительнымъ образомъ.

Выше мы сказали, что слѣдуетъ обратиться къ учебнымъ средствамъ самихъ мусульманъ и ихъ языку. Мектебовъ т. е. начальныхъ школъ мусульмане имѣютъ столько, сколько нужно. Высшихъ школъ—медресе,—представляющихъ въ одно и тоже время нечто въ родѣ духовныхъ академій, учительскихъ семинарій и общеобразовательныхъ заведеній,—есть достаточно. Все духовенство и ученые (улемы), всѣ учителя (ходжи) начальныхъ школъ (мектебовъ) суть созданія медресе, которое есть единственный источникъ мусульманского знанія, нравственности и добра. Вліяніе медресе на мусульманское общество и весь строй его жизни и мыслей несравненно сильнѣе, непосредственнѣе, чѣмъ вліяніе любаго университета на европейское общество.... Мектебы и медресе, какъ учрежденія, пустившія глубокіе корни на мусульманской почвѣ и вросшія въ нее, а не наложенные на нее сверху, каковы инородческія народныя школы, имѣютъ важный авторитетъ у мусульманъ, пользуются ихъ симпатіей и довѣріемъ и освящены вѣковыми традиціями. Было время,—и обѣ этомъ смутно знаютъ всѣ грамотные мусульмане, по крайней мѣрѣ 50—60% ихъ,—когда мусульмане учились въ своихъ медресе—ильми-тыбіе (медицина), ильми-икметѣ (физика), ильми-кимъя (химія), ильми-набадатѣ (ботаника), изъми-нуджумѣ (астрономія), ильми-эндесе (геометрія) и проч. Это смутныя воспоминанія и преданія о медресе арабовъ временъ блестящей эпохи ихъ калифатствъ, когда въ Багдадѣ, Кордовѣ и другихъ городахъ мусульманскаго Востока, были медресе съ 20—30-ю профессорами (мудерисы, муальлимъ), преподававшими разныя умозрительныя и опытныя науки. Программа же теперешняго

татарского медресе — арбскій книжный языкъ, теология и схоластика. Методъ преподаванія долбленіе и зубреніе, — зубреніе и долбленіе!

Миѣ кажется, что русскіе сослужать великую службу отечеству и человѣчеству, воскресивъ для своихъ мусульманъ на русской почвѣ славные арабскіе медресе, давшіе въ свое время столько знаменитыхъ тружениковъ науки и мысли. Дать этому дѣлу толчекъ будетъ *не трудно и не дорого*. Надо лишь подвергнуть небольшимъ преобразованіямъ 9—10 медресе по Россіи въ такихъ мусульманскихъ центрахъ, какъ Казань, Уфа, Оренбургъ, Астрахань, Ташкентъ, Самаркандъ, Баку, Нуха и Бахчисарай, чтобы поставить дѣло умственного развитія русскихъ мусульманъ на прежнее основаніе. Всѣ преобразованныя медресе могли бы именоваться «великими» или «перворазрядными» въ отличіе отъ непреобразованныхъ, и можно было дать ихъ «сохтамъ» (студентамъ) и некоторые преимущества и права. Сутью преобразованія должно бы, по нашему мнѣнію, быть введеніе въ курсъ этихъ медресе преподаваніе элементарныхъ, общеобразовательныхъ наукъ на татарскомъ языке (сокращенные курсы географіи, исторіи, естественныхъ наукъ, ариѳметики съ планиметріей, основанія педагогіи и краткосрочное русское законовѣдѣніе). Преподавателями могли бы быть лица, получившія образованіе на восточномъ факультетѣ университета, или въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. За руководствами серьезной остановки не могло бы быть По три преподавателя, изъ коихъ одинъ въ тоже время въ качествѣ *мудериса-директора*, намъ кажется, было бы достаточно для одного медресе. Это нововведеніе могло бы стоить (жалованье учителей и учебные пособія) по 7—8 тысячъ на каждое медресе, а на всѣ 10 медресе важнѣйшихъ центровъ потребовалось бы

до 80 тысячъ. Допуская даже до ста тысячъ расхода въ годъ для десяти медресе, мы находимъ этотъ расходъ, для коего можно установить специальный сборъ съ мусульманъ, по образцу бывшаго татарскаго сбора въ Крыму, ничтожнымъ, сравнительно съ блестящими результатами, коихъ можно ожидать. Въ какія нибудь пятнадцать лѣтъ русское мусульманство, вмѣсто нынѣшняго невѣжественаго духовенства, имѣло бы развитое духовенство, образованныхъ улемовъ; вмѣсто нынѣшнихъ тупыхъ учителей (ходжей),—подготовленныхъ къ своей дѣятельности и развитыхъ педагоговъ; и тогда можно бы поднять курсъ начальныхъ училищъ—мектебовъ до уровня требованія времени и ввести въ нихъ лучшія, усовершенствованныя методы преподаванія, вмѣсто существующихъ нынѣ долблений и палки. Этимъ путемъ быстро проникли бы въ массу русскія, или лучше сказать, обще-человѣческія гуманные идеи и знанія. Разъ пробужденная любознательность вызвала бы среди татаръ сознательное, а не принужденное изъ-подъ палки стремленіе къ просвѣщенію. Тогда само мусульманство искало и создавало бы средства къ изученію русской рѣчи, чтобы ближе стать къ наукѣ и знаніямъ. Тогда не существовало бы настоящаго недовѣрія къ русскому просвѣщенію, апатичнаго равнодушія къ русской наукѣ. Мусульмане убѣдились бы въ томъ, что есть еще чему учиться кромѣ священнаго писанія арабовъ... Тогда русскіе гимназіи и университеты приобрѣли бы значеніе въ глазахъ мусульманъ, ихъ отчужденность, недовѣріе и апатія, эти следствія невѣдѣнія, разсѣялись бы какъ туманъ.

Подумайте, читатель, можетъ-ли отъ такой постановки дѣла пострадать русскій языкъ и наука и не выиграетъ ли отечественное образованіе и обще-человѣческая культура?

Что касается до значения собственно татарской рѣчи, какъ средства къ приобрѣтенію познаній, мы должны замѣтить, что 50—60% мусульманъ и мусульманокъ могутъ читать свободно по татарски, тогда какъ порусски прощесть и попять едва-ли можетъ *одинъ изъ тысячи* изъ нихъ. По этому не практично ли, не обязательно ли, въ интересахъ общественного блага и государства, воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, этой татарской грамотностью, этой распространенной между мусульманами письменностью, какъ проводникомъ полезныхъ свѣдѣній, отечествовѣдѣнія, и пр. въ мусульманскую массу. Не слѣдуетъ ли облегчить, поощрить развитіе печати среди татаръ? Развѣ было бы дурно, если бы разпоряженія правительства и общественныхъ учрежденій имѣли возможность доходить до свѣдѣнія многочисленныхъ мусульманскихъ подданныхъ Россіи въ формѣ понятной имъ рѣчи? Сколько бы недоразумѣній, убытковъ и несчастій можно бы избѣжать этимъ путемъ! Мыѣ могутъ замѣтить, что русскій музикъ тоже ничего не читаетъ, ничего не знаетъ, но живеть себѣ. Но вонпервыхъ онъ живеть очень плохо и терпить очень много оттого, что ничего не читаетъ; вовторыхъ, какъ бы то ни было, ему въ силу одного ужъ его происхожденія, его исторической традиціи русскіе порядки и жизнь ближе знакомы, чѣмъ мусульманину, имѣющему иные условія жизни, иные воззрѣнія. Вотъ почему особенно важно знакомить мусульманъ съ русскими порядками, понятіями и жизнью. Тутъ-то татарская письменность и грамотность окажетъ большую услугу, если не будемъ пугаться призраковъ и не будемъ преважно и пресерьезно играть въ политику тамъ, гдѣ нужно искрепне прияться за дѣло и учить, сѣять добро и правду, не стѣсняя себя воображаемыми препятствіями и опасеніями.

Подъ владычествомъ Англіи въ Индіи зародилась и разви-
лась вынѣ значительная туземная литература и периодиче-
ская печать, которая, служа интересамъ прогресса, нисколько,
какъ видно, не вредятъ ни англичанамъ, ни ихъ
языку; иначе, навѣрно англичане не поцеремонились бы
задушить въ зародышѣ туземный слово и печать.... Закавказская
администрація, кажется, сознала значеніе
туземного языка въ дѣлѣ воспитанія и управлениія краемъ.
Благодаря ея практическимъ вѣрному взгляду на вещи и при-
ея помощи, въ Тифлісѣ зародилось и крѣпнетъ татарское
печатное слово въ лицѣ газеты «Зія-і-Кавказъ (лучъ Кав-
каза), приносящей мѣстному населенію громадную поль-
зу, разъясненіемъ и сообщеніемъ на татарскомъ языкѣ
необходимыхъ свѣдѣній и правительственныйыхъ распоряже-
ній, и которая, въ случаѣ распространенія какихъ либо
вредныхъ слуховъ, будетъ отличнымъ средствомъ для
ихъ опроверженія. Кажется, польза очевидная, и много
говорить излишне.

Резюмируя высказанныя нами мысли относительно
ближенія мусульманъ съ русскими и ознакомленія ихъ
съ Россіей, мы выражимъ эти мысли въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) незнаніе отсюда недовѣріе и невѣжество
мѣшаютъ сердечному близкому сближенію русскихъ мусульманъ съ
Россіей; 2) распространеніе отечествовѣдѣнія и знанія среди
мусульманъ посредствомъ русского языка почти немыс-
лимо; русскія учебныя заведенія не привлекаютъ даже
одного изъ сотни мусульманъ высшаго сословія, не говоря
о прочихъ; 3) если ввести въ курсъ мусульманскихъ ме-
дресе элементарное преподаваніе наукъ на татарскомъ
языкѣ,—то это облегчитъ доступъ знаній въ мусульман-
скую среду безъ всякаго вреда для государства и быстро
подниметъ умственный уровень духовенства, средняго со-

словія и разсѣть многіе дурные предразсудки; 4) Облегчение условій печатного дѣла на татарскомъ языке, ввиду значительной грамотности татаръ, быстро распространить между ними необходимыя полезныя и практическія свѣдѣнія, почему необходимо покровительствовать и поощрять всякия изданія на мусульманскихъ нарѣчіяхъ; 5) было бы очень полезно, а потому и желательно, въ областяхъ съ татарскимъ населеніемъ имѣть въ судахъ толковыхъ штатныхъ переводчиковъ, чтобы избавить мусульманъ отъ большихъ потерь и нерѣдко несчастій, охлаждающихъ ихъ къ отечеству, и необходимыя распоряженія и извѣщенія публиковать въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ при русскомъ текстѣ съ переводомъ на туземный языкъ; и 6) отъ этихъ мѣропріятій ни интересы русского языка, ни интересы государства никоимъ образомъ страдать не могутъ.

Кончая настоящія замѣтки, позволю себѣ обратиться къ образованной мусульманской молодежи. Братья, примите серьезно за дѣло народнаго образования; при помощи и содѣйствіи просвѣщенныхъ русскихъ обсудимъ лучшіе способы къ тому. Выучиться самому — достоинство, но передать незнающему свое знаніе еще большее достоинство и благое, святое дѣло. Наша религія учитъ, что добро можно творить троико: трудомъ, словомъ и подаяніемъ,— и то, и другое, и третье одинаково угодны Богу и благородны;—бѣдный помогаетъ ближнему работой, ученый—поученіемъ, богатый—подаяніемъ. И такъ, вы выучились, приобрѣли знанія и добрыя правила; не храните ихъ лишь при себѣ, постарайтесь передавать ваши знанія ближнимъ, соплеменникамъ; переводите на татарскій языкъ хорошия русскія книги, пишите для бѣдныхъ, темныхъ татаръ, старайтесь открывать и улучшать школы, распространять

искусства и ремесла. Въ этомъ святомъ дѣлѣ, надѣюсь, просвѣщенные муфтии Таврическій и Казанскій окажутъ вамъ должную помощь и содѣйствіе своимъ вліяніемъ и зна-
ніемъ. Это, братья, будетъ честно и благородно, и если не теперь, то въ будущемъ народъ благословитъ ваше имя, памятуя священное изреченіе великаго Алія, что «черни-
ла ученаго столь же достойны уваженія, какъ и кровь му-
ченика».

1 июня 1881 года.

Бахчисарай.

